

нуум будущих моментов; и наш выбор влияет на вероятность того, какой из моментов случится. Человек всегда становится перед выбором, и от этого зависит его собственная судьба и в какой-то мере судьба человечества. Задача российского политического класса и общественного мнения в целом состоит не в том, чтобы верно «предсказать» будущее, а в том, чтобы сконструировать, спланировать и воплотить, в том, чтобы прорабатывать приоритеты дальнейшего развития. Политическим лидерам, на наш взгляд, не следует забывать, что в человеке, коль скоро он – мыслящее существо, – заложено врожденное стремление к улучшению своей жизни. И поэтому им следует уделять внимание пропаганде и конструированию привлекательного общества грядущего, позитивному образу, пленительной мечте, которая поднимет миллионы на его воплощение в жизнь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Августин Аврелий. Исповедь. – М., 1992.
- Абульханова К. А. Российская проблема свободы, одиночества и смирения // Психологический журнал. – 1999. – Т. 20. – № 5. – С. 5–14.
- Азимов. А. Конец вечности. БСФ, Том 9. М.: МГ, 1966.
- Артемova Е. А. Карикатура как жанр политического дискурса: Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002.
- Бурдые П. Описывать и предписывать. Заметки об условиях возможности и границах политической действительности / пер. с франц. А. Бикбокова // Логос. – 2003. – № 4–5. – С. 30–41.
- Даулетова В. А. Вербальные средства создания аутидмджа в политическом дискурсе: Дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2004.
- Иваненко А. Искушение террором // <http://old.russ.ru/politics/20020115-iv-pr.html>, 2002.
- Кара-Мурза С. Г. Будущее России: мнение Кара-Мурзы // Полит.ру, 2005.
- Левада Ю. Перспективы человека: предпосылки понимания. – М., 2001.
- Миронова П. О. Стратегия редукционизма в политическом дискурсе: когнитивно-прагматический аспект: Дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2003.
- Осипов В. Будущее сегодня // Сообщение. – 2005. – № 4. – С. 10–15.
- Плеханов Г. В. Идеология мещанина нашего времени // Плеханов Г. В. Избр. филос. произв. Т. 5. – МЛ, 1958.
- Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе. – Екатеринбург, 2004.
- Сухина Е. И. Три ипостаси времени: прошлое, настоящее, будущее – в современном русском самосознании // Вестник МГУ. Сер. 19. – 2005. – № 1.
- Тиунова С. П. Типы пределов беспредельных миров человека культуры // Mentalitat. Konzept. Gender. – Landau, 2000. – С. 46–51.
- Федотова В. Г. Модернизация «другой» Европы. М.: ИФ РАН, 1997.
- Чудинов А. П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора). – Екатеринбург, 2003а.
- Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры. – Екатеринбург, 2003б.
- Шаова О. А. Россия и Франция: национальные стереотипы и их метафорическая репрезентация (на материале французских газет в сопоставлении с русскими): Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.
- Шафаревич И. Есть ли у России будущее? – М., 1991.
- Шафаревич И. Будущее России // <http://www.moskvam.ru/2005/04/shafarevich.htm>
- Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. – Саратов, 1997.
- Ядов В. А. Российское общество в политеоретической

интерпретации // Социологические чтения. Вып.1 / Ин-т «Открытое общество»; ИС РАН; Британский социол. клуб в Москве, М., 1996.

Anderson, R. Encouraging Democratic Participation in Russia: Pragmatic Ambiguity and Identification with Political Speakers) // <http://www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/anderson/modcautx.htm>.

Edelman, M. J. Constructing the Political Spectacle. – Chicago, 1988.

Fraser, J. T. Voices of Time; a cooperative survey of man's views of time as expressed by the sciences and the humanities. – Amherst, 1981.

Graber, D. Political Languages // Handbook of Political Communication. – London, 1981.

Judge, A. Future coping strategies beyond the constraints of proprietary metaphors // <http://www.laetusinpraesens.org/docs/coping.php>, 1992.

Judge, A. Presenting the Future (Part 1): Presentation and Representatives // <http://www.laetusinpraesens.org/docs/present/present1.php>, 2001a.

Judge, A. Presenting the Future (Part 2): Making (the) Present and Thriving in the Moment // <http://www.laetusinpraesens.org/docs/present/present1.php>, 2001b.

Judge, A. Presenting the Future (Part 5): Present Moment Research: exploration of nowness // <http://www.laetusinpraesens.org/docs/present/present1.php>, 2001.

Kelling, G. L. Crime and Metaphor: Toward a New Concept of Policing // <http://www.city-journal.org/article01.php?aid=1577>.

Kennedy, V. Intended Tropes and Unintended Metatropes in Reporting on the War in Kosovo // <http://www.usis.it/wireless/wf981006/98100601.htm>, 2000.

Lakoff, G. Framing the Dems: How Conservatives Control Political Debate and How Progressives can Take it Back // <http://www.prospect.org/web/page.wv?section=root&name=ViewPrint&articleId=6862>.

Mallmann, C. Societal rhythms, generations, and psycho-motivational tempos. Paper for the Club of Rome Conference. – Punta del Este, 1991.

© Солопова О.А., 2007

Шустрова Е. В.

Екатеринбург, Россия

ОТЗВУКИ ПОЛИТИКИ В АФРОАМЕРИКАНСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЖАНРЕ

Abstract

The aim of the article is to show how political events and discourse of the whole society may result in the appearance of some certain features as far as individual style is concerned. In particular, the author traces linguistic means that are found in prose and verse by Maya Angelou when she comes to use such conceptual domain metaphors as “arms / war / warrior”, “means & symbols of authority”, “prison and chains”.

Влияние политической жизни страны не может не найти отражения в литературном дискурсе, особенно если писатель проявляет живой интерес к политике, пытается повлиять на развитие событий, лично участвуя в митингах, демонстрациях, акциях сопротивления, издании специализированной литературы. Одной из таких активных фигур в политической жизни США несомненно стала М. Анджело – женщина, которая одновременно создавала и прекрасные литературные произведения, единственная поэтесса, удостоенная чести выступить со стихотворным обращением на инаугурации Билла Клинтона в январе 1993 г. Следует отметить, что и на агитационный и на литературный дискурс М. Анджело несомненно повлияла ее принадлежность к афроамериканской диаспоре. В

рамках данной статьи мы попытаемся показать, как в литературных произведениях этого автора сливаются «черные» и «белые» черты, как это отражается на направлении метафорического моделирования и конкретной языковой реализации сфер-мишеней. Для анализа были выбраны следующие концепты «оружие / воин / битва», «символ власти», «тюрьма / окопы», напрямую соотнесенные с политикой и политическим дискурсом.

ОРУЖИЕ / ВОИН / БИТВА. Данный концепт используется у М. Анджело применительно к самому человеку, его эмоциональному состоянию, социальному, природному и бытовому окружению, истории, прошлому.

У сферы-мишени «человек» четко выделяются несколько подтипов. Во-первых, мужчины (только афроамериканцы) изображаются как сильная, организованная, движущаяся армия. При построении модели автор привлекает семы «сила» и «красота». Возлюбленный, друг, любовники предстают как бойцы, воители, вступающие в битву, находящиеся в осаде. Данная модель отличается от традиционной европейской трактовки любви как войны только присутствием указаний на расовую принадлежность. *Walking like an army were the sweet men | The brown men | The men. After fifty-five | the arena has changed. | I must enlist new warriors. | My resistance, | once natural as raised voices, | importunes in the dark. | IS this battle worth the candle? | IS this was worth the wage?* [Angelou 1994: 263, 260].

Как дуэль трактуются взаимоотношения родителей и повзрослевших детей, особенно матери с сыном, что приближает данные контексты к модели «любовь – война». Реплики мелькают с быстротой рапир, проникают под забрало, голоса напоминают взрывы – эти образы переносятся и на другие ситуации общения, при этом необязательно враждебного. *The double entendres, the two-pronged sentences, slid over his tongue to dart rapier-like into anything that happened to be in the way. Our customers, though, generally were so straight thinking and speaking that they were never hurt by his attacks. His voice was falling and the explosions became fewer and quieter. «I'm leaving now, Mother Dear.» The deferential tone heightened the content of his announcement. In a bloodless coup he had thrust beneath her visor. A chance to be perpetrated. Bailey sat wrapped in his decision and anesthetized by youth. If I had any suggestion to make I couldn't have penetrated his unlucky armor* [Angelou 1969: 88, 125, 252, 256]. *No more | the hope that | the razored insults | which mercury-slide over young tongue | will be forgotten* [Angelou 1994: 44].

Усталый или умирающий человек проигрывает битву хлопку, бедам или смерти. Противопоставленность миру проявляется через вызывающие манеры, которые развиваются, реют подобно знаменам. *Down front to the right, Mr. and Mrs. Stewart, who only a few hours earlier had crumbled in our front yard, defeated by the cotton rows, now sat on the edges of their rickety-rackety chairs. Instantly I surrendered myself to the grimness of death* [Angelou 1969: 123, 158]. *They'd nasty manners, held like banners, | while they looked down their nose-wise* [Angelou, 1994:

48].

Из эмоциональных состояний в данном случае М. Анджело выбирает любовь, отчуждение, конфликт, надежду, сомнения, которые становятся битвой, щитом, негодной (пробитой, ненадежной) броней, разрывами снарядов, нейтралитетом, защитой флангов, поисками укрытия, поражением, отступающей армией, гибелью на поле брани и т.д. Неуверенность и муки подростка, осознающего, что он взрослеет, трактуются как бой с могучим врагом, высшими силами, ржавчиной на лезвии бритвы, приставленной к горлу. На лексическом уровне особенно часто задействуются (*unlucky*) *armor, army in retreat, battle, to close the gap, to dart, defeat, to die, enemy, to enlist, explosion, flanks, forces, to perish, to protect, protection, (busting) shells, shield, (to expand) struggle, superior forces, to surrender, to threaten, torture, war, warriors, to wrestle* и др. *If growing up is painful for the Southern Black girl, being aware of her displacement is the rust on the razor that threatens the throat. I carried the same shield that I had used in Stamps: «I didn't come to stay». All right, what evil dirty things did he have in mind? My questions fell over themselves, an army in retreat. Haste, dig for cover. Protect your flanks. Don't let the enemy close the gap between you. What did a Valentine do, anyway? Most surrender to the vague but murderous pressure of adult conformity. It becomes easier to die and avoid conflicts than to maintain a constant battle with the superior forces of maturity. I was ready to go back to my room and wrestle alone with my worries* [Angelou 1969: 6, 68, 139, 264, 269]. *On the afternoon before opening, the usual excitement was heightened by Jay Flash Riley who lighted the tinder for a group explosion* [Angelou 1986: 159].

Иногда М. Анджело называет реальные имена бойцов. *Just as Jomo Kenyatta was Kenya's «Burning Spear,» so Malcolm X was America's Molotov cocktail, thrown upon the White hope that all Black Americans would follow the nonviolent tenets of Dr. Martin Luther King. «Freedom at any cost» had been his rallying cry. He had been the stalking horse for the timid who openly denied him but took him, like a forbidden god, into their most secret hearts, there to adore him* [Angelou 1986: 129]. *My crime is «heroes, dead and gone,» | dead Vesey, Turner, Gabriel, | dead Malcolm, Marcus, Martin King. | They fought too hard, they loved too well. | My crime is I'm alive to tell. | My sin is «hanging from a tree.» | I do not scream, it makes me proud. | I take to dying like a man. | I do it to impress the crowd. | My sin lies in not screaming loud* [Angelou 1994: 45].

Недавно овдовевшая жена афроамериканского политического лидера У. Э. Б. Дюбуа, бывшая ему верной соратницей, изображается как раненый боец, нуждающийся в поддержке. *Have you considered that her [Shirley Du Bois' – E. III.] husband has only been dead for a few months? Have you considered that at her age she needs some time to consider that she is walking around wounded, limping for the first time in many years on one leg* [Angelou 1986: 145].

Следует отметить изначальное ожидание проигрыша для афроамериканцев, неуверенность в своих силах – следствие социальных условий. *Our people for over three hundred years had been made so useful, a bloody war had been fought and lost* [Angelou 1986: 19].

Это дополнительно подчеркивается рядом

метафорических и инвертированных эпитетов, ведущим из которых становится уподобление необразованности, безграмотности крушащим лезвиям (*the grinding blades of ignorance*) [Ср. Angelou 1994: 255].

На уровне олицетворения зооморфными характеристиками наделяется война (*a muzzle of war*), а антропоморфными – стяги, флаги, печально склонившие головы, роняющие непереносимую боль и т. д. (*flags droop their unbearable sadness*). Второй образ выступает и в качестве аллегории войны между Севером и Югом, былых дней, воспоминаний о потерях, и, скорее всего, был заимствован из романа «Унесенные ветром» М. Митчелл и американского военного песенного дискурса времен Гражданской войны. Продолжает эту тему аллегоричный образ пыльных флагов (*dusty flags*).

В качестве метонимической модели упомянем связь между поражением на ринге черного боксера и расправами, унижением, неравенством всей диаспоры. *My race groaned. It was our people falling. It was other lynching, yet another Black man hanging on a tree. One more woman ambushed and raped. A Black boy whipped and maimed. It was hounds on the trail of a man running through slimy swamps. It was a white woman slapping her maid for being forgetful. (Black boxer's defeat)* [Angelou 1969: 131].

Дополнительно были зафиксированы случаи уподобления солнца, его лучей – стреле, что, помимо прямого сходства объектов, напоминает о традиционном для афроамериканцев понимании образа солнца как недруга. Офисы и другие официальные учреждения становятся противниками, соперниками, ждущими поражения негра. Ночной город, его «белые» кварталы изображаются как вражеская территория, что вполне соответствовало реальности и грозило гибелью. *The sun struck like an arrow* [Angelou 1994: 61]. *The struggle expanded. I was no longer in conflict only with the Market Street Railway but with the marble lobby of the building which housed its offices, and elevators, and their operators* [Angelou 1969: 261]. *The night suddenly became enemy territory, and I knew that if my brother was lost in this land he was forever lost* [Angelou 1969: 111].

СИМВОЛ ВЛАСТИ. В данный концепт у М. Анджело входят следующие понятия: алтарь, аукцион, биржа, венец, корона, аура, трон, плеть, хлыст, пирамиды. Они соотносятся в первую очередь с физическим или эмоциональным состоянием, которое воспринимается как аура, нимб (боли, страдания), терновый венец, свитый из одиночества и утрат. *Until we reached the pond the pain was my world, an aura that haloed me for three feet around* [Angelou 1969: 182]. *The day hangs heavy | loose and grey | when you're away. | A crown of thorns | a shirt of hair | is what I wear* [Angelou 1994: 69].

Библейские образы подкрепляются инвертированным эпитетом (*the altar of sunlight, a crown of light*), однако здесь эмоциональный полюс меняется на положительный и на первый план выходит образная связь со светом, красотой, величием, любовью, осуществлением мечты [Ср. Angelou 1994: 20, 239; 1986: 20, 64].

Трон как прямая метафора – это белый символ, часто имеющий ироническую составляющую. Как шаткие троны изображена пожилая белая пара, пародия на благородные семьи Юга. *Discard the fear and what | was she? Of rag and bones | a mimicry of woman's | fairy-ness | Archaic at its birth. | Discharge the hate and when | was she? Disheveled moans | a mimesis of man's | estate | deceived for its worth. | Dissolve the greed and why | were they? Enfeebled thrones | a memory of mortal | kindness | exited from this earth* [Angelou 1994: 93].

Плеть или хлыст в метафорической группе связывается с молодым афроамериканцем, мальчиком, подростком. В переносе автор действует как прямое физическое сходство (стройность, грациозность), так и потенциальные компоненты «смелость, отвага», «резкость жестов», «внезапность, порывистость движений» [Ср. Angelou 1969: 133].

Дополнительно отметим уподобление полового акта ритуалу – модель, в которой М. Анджело подчеркивает расовую составляющую [Ср. Angelou 1994: 204].

В метонимических и аллегорических моделях автор продолжает противопоставление «черный – белый». Символы власти имеют два четко обозначенных полюса: прошлое Юга, связанное с наказаниями и продажей рабов, и Африка, ее красота, история, мужество, богатство. Выражением первого направления становятся аукцион, биржа, плеть, хлыст, позорный столб (*auction, auction block, lash, stock, whip, whipping posts*), для второго ведущим является образ пирамид (*high pyramids of stone and question*). *Novitates sing Ave | Before the whipping posts, | Crisscrossing their breasts and | tearstained robes | in the yielding dark. There in those pleated faces | I see the auction block | the chains and slavery's coffles | the whip and lash and stock* [Angelou 1994: 32, 108].

ТЮРЬМА / ОКОВЫ. Концепт «тюрьма / оковы» в дискурсе М. Анджело имеет три сферы мишени: человек (только афроамериканец), эмоциональное состояние, реалии социального и физического окружения.

Афроамериканская диаспора изображается как люди, постоянно могущие вновь стать заложниками системы рабовладения, сообщество, которому, несмотря на его сплоченность, постоянно грозит неудача, поражение, гибель. Эти же характеристики переносятся и на отдельного представителя. Афроамериканка, мать, испытывающая постоянный страх за своих сыновей, становится заложницей реалий Юга США; ее жизнь, любовь постоянно находятся в ловушке, на аркане. Человек, неспособный исправить ситуацию, помочь своим близким, заточен за рамками происходящего. *I wanted to throw a handful of black pepper in their faces, to throw lye on them, to scream that they were dirty, scummy peckerwoods, but I knew I was as clearly imprisoned behind the scene as the actors outside were confined to their roles. The Black woman in the south who raises sons, grandsons and nephews had her heartstrings tied to a hanging noose. This might be the end of the world. If Joe lost we were back in slavery and beyond help* [Angelou 1969: 30, 110, 131].

Вторая тема развития образа человека – это связь с любовью, влечением. Мужчина заманивается в ловушку, радостно попадает в силки. Само чувство ожидания любви, печаль или напряжение благодаря метафорическому эпитету и олицетворению становятся вечно ждущими цепями, сковывающими путями, оковами. I planned a chart for seduction with surprise as my opening ploy. One evening as I walked up the hill suffering from youth's vague malaise (there was simply nothing to do), the brother I had chosen came *walking directly into my trap* [Angelou 1969: 274]. Hope fades, day is gone | into its irredeemable place | and I am thrown back into *the familiar | bonds of disconsolation* [Angelou 1994: 198-199].

Это направление продолжается и применительно ко второй сфере-мишени. Помимо любовных мук частотным становится ощущение своей вины, неполноценности, безутешности, которое предстает как цепи рабства, звено длинной цепи разочарований, привычные оковы. I never talked about St. Louis to her, and had generally come to believe that the nightmare with its attendant guilt and fear hadn't really happened to me. It happened to a nasty little girl, years and years before, who had *no chain* on me at all. I was another *link* in a long *chain* of disappointments [Angelou 1969: 154, 221]. My guilt is «*slavery's chains*» too long | the clang of iron falls down the years. | This brother's sold, this sister's gone, | a bitter was, lining my ears. | My guilt made music with the tears [Angelou 1994: 45].

Грусть, тоска, горе свисают с дерева подобно висельной веревке – намек отнюдь не на возможное самоубийство, а на вполне реальные события линчей. The blues may be the life you've led | Or midnight hours in | An empty bed. But persecuting | Blues I've known | Could stalk | Like tigers, break like bone, | Pend *like rope in | A gallows tree*, | Make me curse | My pedigree [Angelou 1994: 184].

Подобные эмоции накладывают отпечаток и на восприятие физического окружения. Жилье, комната светятся весельем темницы или могилы, реалии жизни становятся загадкой, в стенах которой заточен афроамериканец, пытающийся понять, почему он изгой. Звуки и запахи становятся спасительными крючками, за которые цепляется ум, память человека, пытающегося преодолеть свою беду, не сойти с ума. The children's voices and the thick odor of food cooking over open fires were *the hooks* I grabbed just in time to save myself. He was away in a mystery, *locked in the enigma* that young Southern Black boys start to unravel, start to try to unravel, from seven years old to death. The humorless puzzle of inequality and hate. Later, my room had *all the cheeriness of a dungeon* and the appeal of a tomb [Angelou 1969: 136, 193, 256].

В то же время образ веревки применительно к африканским сообществам, гражданам африканских государств имеет положительную эмоциональную маркированность и отождествляется с правилами поведения, достоинством, традициями, общей историей, позволяющим понимать друг друга. Black Americans insouciance was the one missing element in West Africa. Courtesy and form, traditional dignity, respectful dismissal and history were *the apparent ropes holding their society close and nearly impenetrable* [Angelou 1986: 158].

В качестве метонимии и аллегории цепи, оковы, кандалы либо продолжают линию эмоций и становятся частью состояния несвободы духа, скованности, тревоги, либо символизируют дни рабства, историю диаспоры, трагичные страницы жизнь на Юге США [Ср. Angelou, 1986: 121; 1994: 108, 210].

Итак, в литературном дискурсе М. Анджело ведущими сферами-мишенями метафорического развертывания концептов «**оружие / воин / битва**», «**символ власти**», «**тюрьма / оковы**» становятся «человек», «эмоциональное состояние», «социальное, природное и бытовое окружение», «история диаспоры». При реализации сфер-источников и сфер-мишеней на первый план выходит линия борьбы, сопротивления, противопоставленности миру, страдания, соотносимая как с реалиями жизни афроамериканской диаспоры в целом, так и судьбой отдельного человека, его внутренними переживаниями, любовью, обретением семьи, познанием своего Я – несомненный отпечаток политики своего жизни США и расовой политики, проводимой государством на протяжении всей истории страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2005.
- Angelou M. All God's Children Need Traveling Shoes. – N. Y., 1986.
- Angelou M. And Still I Rise. – N. Y.: Penguin Books Inc, 1989.
- Angelou M. A Song Flung Up to Heaven. – N. Y.: Random House, 2002.
- Angelou M. Even the Stars Look Lonesome. – N. Y.: Random House, 1997.
- Angelou M. I Know Why the Caged Bird Sings. – N. Y.: Bantam Books, 1969.
- Angelou M. I Shall Not Be Moved. – N. Y.: Random House, 1990.
- Angelou M. Oh Pray My Wings Are Gonna Fit Me Well. – N. Y., 1975.
- Angelou M. On the Pulse of Morning. – N. Y.: Random House, 1993.
- Angelou M. The Complete Collected Poems of Maya Angelou. – N. Y., 1994.
- Major C. Juba to Jive. A Dictionary of African American Slang. – N. Y., 1994.
- Smitherman G. Black Talk. Words and Phrases from the Hood to the Amen Corner. – N. Y.: Houghton Mifflin Company, 1994.
- © Шустрова Е.В., 2007